

4 ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ,  
ПРЕМИЯ ЯНУША ЗАЙДЕЦА, ПРЕМИЯ SPINUS И ДРУГИЕ

ЯЦЕК ДУКАЙ  
ИНЫЕ  
ПЕСНИ



МИР ПЯТИ ЭЛЕМЕНТОВ ПОД ВЛАСТЬЮ ФОРМЫ  
В СКАЗАНИИ О СИЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА  
И О ТОМ, ЧТО НЕВОЗМОЖНО ОПИСАТЬ

**Яцек Дукай**  
**Иные песни**  
Серия «Сны разума»

*Текст предоставлен правообладателем*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=6700182](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700182)  
*Дукай, Яцек* *Иные песни*: АСТ; Москва; 2014  
ISBN 978-5-17-083020-6

**Аннотация**

Иероним Бербелек слыл некогда великим полководцем. Однако во время осады города был сломлен и едва не лишился собственной личности и воли к жизни. Может быть, теперь, снова встретившись со своими взрослеющими детьми, которых он не видел многие годы, он сможет обрести себя прежнего – в походе в Африку, страну золотых городов и бесформенных тварей, в сердце Черного Континента, где по воле чуждого сознания рождаются отвратительные чудеса и ужасающая красота...

«Иные песни» можно читать многими способами: как приключенческий роман, фэнтези, научную фантастику или философский трактат. В каждом случае это окажется удивительное и притягательное чтение, где автор вместе с читателем будет искать ответы на вопросы: можно ли познать иное, что лучше – силой навязать неизвестному собственную форму либо уступить и измениться самому?

*Текст печатается с сохранением авторских особенностей орфографии и пунктуации*

# Содержание

I		5
	А	5
	В	8
	Г	16
	Δ	27
	Е	36
	ε	45
II		50
	Z	50
	Н	62
	Θ	82
	Конец ознакомительного фрагмента.	86

# Яцек Дукай

## Иные песни

*За свою жизнь, выработав в себе особенную впечатлительность перед Формой, я действительно боюсь того, что у меня пять пальцев на руке. Почему – пять? Почему не 328584598208854? А почему не все количества сразу? И почему вообще палец? Нет для меня ничего более фантастического, чем то, что здесь и сейчас я таков, каков есть, определенный, конкретный, именно такой, а не какой-то другой. И я боюсь ее, Формы, словно дикого зверя! Разделяют ли другие мое беспокойство? И насколько? Не ощущают Форму как я, ее автономность, ее произвольность, ее создающую ярость, капризы, извращения, нагромождения и распады, несдержанность и безграничность, непрестанное спутывание и распутывание.*

**Витольд Гомбрович**

*Есть племя людей,  
Есть племя богов,  
Дыхание в нас – от единой матери,  
Но сила нам отпущена разная.*

**Пиндар (Немейские песни. Вассиды)**

Jacek Dukaj “Inne piesni”

© Copyright by Jacek Dukaj

© Copyright by Wydawnictwo Literackie, Kraków, 2003

© Сергей Легеза, перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Cover project: Tomasz Baginski.

© by Wydawnictwo Literackie, Kraków

All rights reserved.

# I

## A

### Ноктюрн

Туман вился вокруг дрожек, в мягких очертаниях бело-серой завесы господин Бербелек силился прочесть свое предназначение. Туман, вода, дым, листья на ветру, сыпучий песок и человеческие толпы – в них видно лучше всего.

Голову клонило к кожаной обивке. Глубоко вдохнув влажный воздух, он защитился от морфы ночи, маленький человек в дорогом пальто, со слишком гладким лицом и слишком большими глазами. Взял с сиденья газету, оставленную предыдущим пассажиром. В грязном свете проплывающих пирокийных фонарей с трудом вчитывался в гердонские литеры: буквы – как руны, как останки неких больших знаков, справа жирные и толстые, к левой стороне блекнувшие. Твердая бумага мялась и ломалась в перчатках. ЛУННАЯ ВЕДЬМА ВЛЮБЛЕНА. КТО ИЗБРАННИК? Колонка рядом – гравюра с морским чудищем и заголовок: ПЕРВЫЙ НИМРОД АФРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ ПОГИБ НА МОРЕ. Политический комментарий риттера Дреуга-из-Кёле: *«Действительно ли столь сложно было предвидеть союз Иоанна Чернобородого с кратистосом Семипалым? Риму, Готланду, Франконии и Неургии теперь придется прогнуться под сном Чернокнижника. Спасибо нашим дипломатам за их прекрасную работу!»* Текст едва не сочился сарказмом. В лужах на черной мостовой отражалась Луна в третьей четверти, ее безоблачное небо открывало розовые моря, кратиста Иллея воистину должна пребывать в хорошем настроении (может, и вправду влюблена?) или же сознательно столь широко распростерла свою корону. Антос господина Бербелека редко растягивался дальше, чем на вытянутую руку, и лишь в тумане, в дыму удавалось отгадать хоть что-то по его очертаниям – может именно будущее, предсказание кисмета, как того хочет популярное суеверие. Но разве нынче вечером господин Бербелек не сгибал волю как министра Брюге, так и Шулимы? И потому поглядывал, задумчив, во вьющийся туман.

Ктлап, ктлап, ктлапп, извозчик не погонял лошадку, ночь была тихой и теплой, момент навязывал спокойствие и задумчивость. Господин Бербелек вспоминал жар отдающего вином дыхания Шулимы и запах ее египетских духов. Нынешней весной подошло к концу владычество аскетической моды Гердона (малая победа над кратистосом Анаксегиром, по крайней мере, на этом поле), и в салоны вернулись традиционные европейские гиматии, лондонские кафтаны, рубахи без пуговиц, открывающие торс, а для женщин – кафторские платья, софоры и митани, арабские шальвары, поднимающие грудь корсеты, крикливая бижутерия для сосков. Предплечья Шулимы охватывали длинные спиральные браслеты из бронзы в виде змей, и, когда эстле Амитаче подала Бербелеку руку для поцелуя (прикосновение ее кожи почти обжигало), он заглянул гаду прямо в изумрудные глаза. – Эстле. – Эстлос. – Она уже улыбалась, хороший знак, он с первого взгляда навязал форму дружелюбия и доверительности. После она шептала ему из-за синего веера ироничные комментарии по поводу проходящих мимо гостей. Как и по поводу своего дядюшки. Эстлос А. Р. Брюге, министр торговли княжества Неургия, недавно впутался в сложный роман с готской кавалеристкой, сотницей Хоррора, которая наверняка была сильным демиургосом, – после каждой встречи с ней Брюге возвращался чуть более милым и чуть более глупым, как смеялась Шулима. Может, и правда, министр оказался уже обработан раньше? Ведь он согласился на предложение Бербелека совершенно без сопротивления, взмахов рук и гримас, не желая даже задумываться, – вот так Торговый Дом «Ньютэ, Икита тэ Бербелек» и получил фактическую моно-

полию на импорт мехов из Северного Гердона. Господин Бербелек торжествовал. Между одним тостом и следующим, не задумываясь, он пригласил Шулиму в свое летнее имение в Иберии. Она приподняла бровь, щелкнула веером, змея блеснула зеленым глазом.– Охотно.

Вот только теперь, считая в лужах горящие Луны и удары копыт по мостовой города во влажной тиши, господин Бербелек думает так: а если все было наоборот, если это ее антос коварно пожрал меня, и это ее упрямство вытолкнуло из моего рта оное приглашение? И, рассказывая историю о готской сотнице-демиургосе, не пыталась ли она дать мне некий намек?..

Туман поредел, сделались видны угловатые силуэты домов, склоняющиеся над открытой коляской дрожек. Классическая воденбургская архитектура никогда не обладала для Бербелека большим очарованием, все эти массивные жилища, втиснутые в извилистые ряды, улицы как каньоны каменного лабиринта, крыши, нахохлившиеся горгульями и звериными пастями, окна словно бойницы, порталы как врата гробниц, темные дворы за скрытыми в тени подворотнями, вечно мокрая брусчатка, по которой вниз, к порту и морю, стекают ручьи городской грязи... Центр и большинство жилых кварталов столицы выстроены во времена кратистоса Григория Мрачного, когда тот властвовал в княжеском дворце. Керос Воденбурга в ту пору гнулся и плыл в огне короны кратистоса воистину будто воск, сам дворец после ухода Григория застыл в форме призрачных садов из камня и стали. Бербелека пригласили туда сразу после переезда в Воденбург, его собственный дом на контрасте казался после дворца вполне солнечным и радостным. И все же люди меняются быстрее, чем неживая материя. Спустя три поколения после Григория Черного воденбургцы научились смеяться и развлекаться, и Бербелек даже услышал от них за шесть лет пару шуток. Какое счастье, что Шулима родом не отсюда. Он раскрыл «Всадника сумерек» на предпоследней странице. Сегодняшняя карикатура – он напряг зрение – представляла канцлера Лёка на четвереньках, с блаженным выражением лица вылизывающего ночной горшок Чернокнижника. Что ж, Рим не сразу строился, а чувство юмора не родится из камня.

Они проехали через храмовую площадь. На ступенях Дома Иштар он увидел нескольких проституток из послушниц, бедра белели в газовом свете. Дрожки свернули, ускоряясь на идущей под уклон улице, ктлапккклапк. Он полез во внутренний карман кафтана, вытащил махорку и спички. Да-а-а. Затянулся дымом, откинул голову на кожаную обивку и загляделся на небо. Несмотря на послеобеденный дождь, было оно безоблачным, игриво мерцали звезды, Луна почти ослепляла. Лишь внизу, над портом, где на железных цепях висели воздушные свиньи, их мощные туши заслоняли звездосклон. Махорник тлел красным, господин Бербелек дохнул, блески искр полетели в ночь. Скажем, Кристофф удержит обороты на уровне прошлого года. Но после принятия государственных заказов... Сто двадцать – сто сорок тысяч грошей чистого дохода. Пятнадцать процентов от этого... Скажем: двадцать тысяч. Я оплатил бы, наконец, долги отца и покрыл бы содержание Орланды, Марии и детей. Стоило бы также выкупить услуги какого-нибудь хорошего текнитеса тела. Признай, Иероним Бербелек-из-Острога: стареешь, как и всякий.

Монотонное движение дрожек и ритмичный цокот копыт действовали усыпляюще, почти гипнотически – когда остановились, Иероним встрепенулся, как бы пробудившись от утреннего сна.

– Приехали, эстлос,– пробормотал возница.

Господин Бербелек, высаживаясь, неспешно копался в кармане в поисках мелочи.

Ворота во двор, конечно же, оказались заперты, но пироккийный свет горел над меньшими дверями, рядом. Он трижды стукнул в них серебряным набалдашником трости. Дрожки оттархтели неторопливо вверх по пустой улице, к храмовой площади. Еще одна затяжка черным махорником в холодном предрассветном полумраке, в тот самый долгий час,

когда боги расправляют свои кости, а керос Вселенной становится на крупицу мягче и на крупицу ближе Материи...

– Ах, наконец-то! Я уже думал, что сегодня ночью не вернетесь! Как там бал, а? Ну, прошу ваше пальто! И перчатки. Разве дождь не пошел снова?

Господин Бербелек проигнорировал ворчливое словоизвержение старого слуги и, даже не сняв кафтана, зашел во фронтальную библиотеку. Здесь, у пустого пюпитра, он начертал на маленьком листе телячьего пергамента короткую записку об успехах переговоров с министерством торговли. Дважды, по еврейской моде, сложив листок, растопил над свечой зеленый шлак и запечатал письмо. Еще перстень с гербом Острога и:

– Портэ! Пусть Антон доставит это в контору эстлоса Ньютэ. Сейчас же!

Однако сам он от пюпитра не отвернулся. Этот дым над свечкой – он поднял руку – а ведь сквозняка нет – сабля или меч? – в листьях на ветру, в человеческой толпе, в тумане, воде и дыму, в этом темном дыму – он даже наклонился, моргая, – кривой клинок, да.

## В Купеческий Дом

В тот день господин Бербелек не выспался. Воденбургскими ночами господин Бербелек спал плохо, но нынче, к тому же, еще и мало: едва пробил девятый час, как в спальню, отталкивая замерших у порога Портэ и Терезу, ступил эстлос Кристофф Ньютэ, и сразу вся сонливость принялась испаряться из Бербелекова тела, кошмары – из сознания.

– Ах, ах, ах! Иероним, чудотворец, кратистос ты мой салонный, к стопам припадаю, к стопам!

– Чума на тебя... Не открывай штор!

– Как ты это устроил, вникать не стану, скажу только, что ты достоин последнего грошика, следующий корабль у Сытина назовем твоим именем, да покажи же морду, дай тебя обниму!

– Прочь, прочь! Ты бы и сам справился, Брюге согласился бы на все, видать, ошалел от любви, голова, по крайней мере, – в небесах... Тереза! Кахвы!

Благородный Кристофф Ньютэ, риттер иерусалимский и меховой магнат – и тоже не воденбуржец (он был гердонцем во втором поколении, рожденным в Нойе Реезе Германа, сына Густава), что частично объясняло его словоохотливость. Однако жил он здесь уже дольше Бербелека, и для того представляло величайшую загадку, как Кристоффу удается оставаться все таким же порывистым холериком, в то время как даже истинные демиургосы оптимизма и бесцеремонности после нескольких месяцев жизни под морфой Григория впадали в «воденбургскую депрессию». Но Ньютэ и вообще был – само отрицание заурядности: шесть с половиной пусов роста, два литоса живого веса, архитектурные плечи, волосы, как язык пламени – рыжая борода, рыжая грива, – и этот пещерный глас, рев пьяного медведя, даже когда он шептал – звенели рюмки.

– Я сразу составил новые заказы и курьерским отослал комиссионерам более высокие ставки на закупку, выпрем Кройцека не только из Неургии, но и из балтийских княжеств, живо себе это представляю, – продолжал господин Ньютэ. – Год-другой, не смогут же они вечно держаться на цыганских кредитах, а когда пробьемся на север —

– У Мушахина поддержка королевского казначея, – встрял Иероним, отпивая горячей кахвы с корицей.

– Ха! А разве не для этого я взял тебя в товарищество? У тебя знакомцы в восточных дворах, твоя первая родом из Москвы, верно?

– Кристофф...

– Ну уж извини, что я вспомнил, Господин Мученик! Кристе, как же ты умеешь получать удовольствие от скорби! Помнишь, как мне пришлось вытаскивать тебя из псарни Лёка? Уж думал —

– Пошел прочь.

– Да ладно, ладно. О чем это я... Кройцек, Мушахин, братья Розарские. Ну а дальше – только сибирское ханство.

– Их не пересилить, стоимость транспортировки —

Кристофф вмазал ладонью по подушке.

– Да я туда и не полезу! Наоборот! Соболя в Северный Гердон, например. Раз – и через пролив. А уж как Дедушка Мороз выморфирует тот ледяной мост из Азии в Новую Лапландию!..

– Ну-ну. Морфирует его с семисотого. Слабый антос, ему бы перебраться из Уббы к самому проливу Ибн Кады.

– И что ты так хмуро со мной, эстлос? Три прекрасные новости за утро, а он – как из могилы поднятый!

– В том-то и дело... Если человек просыпается более измученным, чем когда засыпал...

– И что же тебе снова приснилось?

– Не помню, не уверен, да и не знаю, как о таком рассказать. Представь, Кристофф, что-то такое: я заперт, но в бесконечном пространстве, бегу к месту, где уже стою, а они рубят меня до кости, и, сколько бы я ни оборачивался – оборачиваюсь не я —

– Хватит, хватит! Надо бы тебя расшевелить, а то ржавеешь тут. На тот бал я тебя тоже чуть ли не силой вытолкал – и что? Плохо сделал?

– Что за новости?

– Ах, так ты не знаешь! Тор идет на войну! Снова будут сражаться за Уук. Вообрази себе этот заказ, только зимний контингент, а еще и цены скакнут!..

– Паразит.

– Ха. А через три часа прибывает «Филипп Апостол», на рассвете прилетела птица. Раньше срока и – никаких потерь. И скажи теперь мне, что нет нужды инвестировать в собственный флот!

– Никаких потерь, потому что ты завлек на последний рейс этого перса-гекатомба. Читал вчерашний «Всадник»? Что-то сожрало клипер Компании вместе с их лучшим нимродом, и где? – в Средиземном море! А ты говоришь об океаносе!

– Именно поэтому ты тотчас воздвигнешься с ложа сего и отправишься со мной в порт. Нужно поймать Ихмета еще на трапе, пока он не подписал контракты с другими. Уж ты-то его сумеешь убедить, чувствую, вы придетесь друг другу по вкусу. В письмах он отзывался о тебе с немалым почтением – вы и вправду никогда не встречались? В любом случае, теперь у вас есть возможность, обменяетесь своими кровавыми историями, возьмешь его в баню, все за счет фирмы, да не скупись, пусть у него в голове зашумит, это только —

– Не хочется мне, – отрезал Иероним.

Кристофф с размаха хлопнул его по спине, да так, что чашка с остатками кахвы выпала из рук господина Бербелека на кровать, а с нее – на ковер.

– Верю в тебя!

– Фанатик.

Господин Бербелек поплелся в санитарииум, где Тереза уже приготовила кипяток для купели. Пар сгустился на цветном витраже, розетте, выходящей во двор дома. Лишь в эту пору дня солнечный свет изгонял со двора мокрую тень, через час там воцарятся каменные сумерки – тогда газовые пирокийные язычки, переливчато отразившись от небесно-зеленой мозаики, придадут ванной комнате облик морского аквариума. Здесь Иероним часто дремал в купели, и сны, здесь рожденные, укачивали его ласковой всего.

Господин Бербелек вообще легко и часто впадал в дрему – кроме ночи, когда, собственно, сон приходил с трудом. И так с детства, сколько себя помнил, ибо задолго до Коленицы преследовали его черные кошмары, которые он, пробудившись, никак не мог ни пересказать, ни даже толком припомнить; оставалось лишь ощущение абсолютной потерянности и дезориентации, да тревоги настолько глубокой, что о ней и говорить-то невозможно. Зато дни его в Воденбурге текли в бесконечной сонной лени, зачастую он даже не поднимался с постели, не одевался, было незачем и не для чего. Слуги качали головами и ворчали вполголоса, но он не обращал внимания. Голоса, люди, свет и тьма, шум и тишина, пища со вкусом таким и эдаким, смена поры года за окнами – все это сливалось в одну теплую, клейкую массу, затапливавшую его медленными приливами, плотно залеплявшую сознание. Побороться с этим могла лишь сильная рука эстлоса Ньютэ, она вытаскивала Иеронима на поверхность. Ньютэ всегда знал, зачем и для чего.

Деньги, деньги, деньги. Казалось, что после прибытия в столицу Неургии господин Бербелек ни о чем другом и не думает, по крайней мере, не было иного стержня в его поступках. Ведь если он и вырывался из этой сети, то – не к иным желанием, а лишь в темную неподвижность и безволие, в тот тартар стариков и самоубийц, куда из Воденбурга отворялись врата широчайшие. Впрочем, следовало признать, что богатство – хоть какая-то цель, какая-то причина для жизни, может низкая, но настоящая, а из него рождались иные причины, и начиналось возрождение человечности. Например, гордость, личное достоинство – из эстетики одежд и форм этикета. Белизна рубахи и тяжесть колец на пальцах определяют значимость мгновения. Так мертвые предметы умудряются морфировать самоощущение человека – так не наиподлейшая ли мы субстанция?

Потому, когда Бербелек присоединился, наконец, к Кристоффу, одетый в выходное платье, с умашенными волосами, с зеленой леей, повязанной под подбородком, в черном, плотно застегнутом бритийском кафтане и в юграх с отполированными домашним невольником голенищами, – он был на крупицу иным эстлосом Бербелеком, нежели тот, кого Кристофф застал в теплой духоте спальни; чуточку иначе мыслящим и совершенно иначе себя ведущим. В коляску эстлоса Ньютэ Иероним вскочил столь же энергично, как и сам Ньютэ. Весеннее солнце грело вовсю, он бросил на поручень хумиевое пальто. Кристофф, напротив, остался в своей широкой шубе с бобровым воротником – и теперь, когда гердонец громоздился на широком сиденье, господин Бербелек выглядел подле него еще более щуплым и невзрачным.

Перед выходом он взглянул на термометр: семнадцать рисков по александрийской шкале – хотя с моря тянуло сильным холодным ветром, а по лазоревому небу мчались ключковатые облака песчаного цвета. Дымы металлургического завода Вёрнера обычно затягивали северный горизонт, но нынче ветер совладал и с ними, небо сделалось будто глазурь. Они ехали в противоположном направлении, вниз, к порту, и Иероним ни на миг не терял из виду воздушных свиней, чьи вытянутые тулова подергивались вверх-вниз и в стороны. Посчитал: семь. Прибыла одна, в цветах султаната Мальты, корзины как раз двигались. Он взглянул в сторону флагштока порта. И вправду, сообщение о прибытии «Филиппа Апостола» уже вывешено. Самого порта он пока не видел, улицы Воденбурга были исключительно извилисты: проектировали их с мыслью об обороне от бритийских пиратов, еще до 850 года ПУР наведывавшихся в эту часть Европы. Северные города, что покорились и выплачивали британам дань, избежали разрушений, следы коих все еще примечались в Воденбурге: например, выщербленная прибрежная стена. Ее темно-серый массив нависал над портовым кварталом города, теперь там располагались казармы текнитесов моря и якорни свиней. Из черных глазниц башен торчали овалы столетних пиросидер.

Прежде чем выехать на портовый бульвар, коляске пришлось пробираться еще более сужающимися улочками старого купеческого квартала – и здесь она увязла на долгие минуты. Их окружила толпа, в уши ворвалась взвесь криков, смеха и громких разговоров на четырех языках, в ноздри – запахи: от обычных до самых экзотических, тех, из персидских и индусских магазинчиков, открытых «прилавков дураков», эти запахи все были острыми. Как всегда в такой толпе и суматохе, всякая вещь казалась чуть менее собой и чуть более чем-то другим, то есть ничем, вещь, слово, воспоминание, мысль, господин Бербелек рассеянно постукивал набалдашником трости по подбородку.

– А этот Ихмет...

– Да?

– У него есть семья? Где он обитает?

– Связать его землей? Хм... У этого города много преимуществ, но чарующим его назовут немногие.

– Я скорее думал о домике под Картахеной, имение подле моей виллы в будущем месяце пойдет на продажу, получил письмо, можно бы...

– Они сильно ценят подобные связи. М-м...

Не стоило забывать, что рыцарь Ньютэ – се в глубине души ксенофоб. Господин Бербелек прекрасно об этом помнил, он сам оставался для Кристоффа чужаком; разве что здесь, в Неургии, чужаками были они оба. Ксенофобия Кристоффа была столь специфической, что не плодоносила ни ненавистью, ни неприязнью, ни хотя бы страхом. Просто Кристофф к каждому, кто не был гердонцем и христианином, относился будто к дикому варвару, ожидая всего наихудшего и не удивляясь ничему, а любое проявление человечности приветствовал как огромную победу своей морфы. За этим крылись глубочайшие пласты непреднамеренного презрения, но внешне оно проявлялось только в словоохотливой сердечности. «Говоришь по-гречески! Как же я рад! Придешь к нам на ужин? Если, конечно, ешь мясо и пьешь алкоголь». И при том Кристоффа воистину невозможно было не любить.

Господин Бербелек вынул янтарную махронку и угостил рыцаря. Закурили оба, возница подал огня.

– Ты ведь знаешь эстле Шулиму Амитахе.

– Конечно.– Господин Ньютэ неторопливо выпустил вязкий дым.– Что за смесь?

– Наша.

– Правда? Ты подумай. Так что с той Амитахе?

Господин Бербелек захихикал, глубоко затянувшись.

– Я, пожалуй, поймался в ее корону. Ну, или она – в мою. И поэтому думаю...

– Все женщины – демиургосы вожделения.

– Да-а-а...

– Тогда чего переживаешь? Все правильно, породнись с ними, с Брюге, с его родственниками, об том и речь, об том и речь. Для вящей силы НИБ!

– Она приехала из Византиона – не знаешь ли кого-то, кто знал бы ее там?

– Пспрашиваю. А зачем? Верить этим сплетням?

– Каким сплетням?

– Что молодая не потому, что молода, а красивая не потому, что красива...

– Ах, как обычно, рассказывают безумные сказки из зависти.

– Точно. Раз уж родственница Брюге —

– Глиняный министр.

Возница щелкнул кнутом, кони рванули, экипаж вырвался из толчеи. Они выехали из тени улицы на солнечные бульвары, широкие портовые террасы, где керос, освобожденный от натиска толпы, тотчас затвердел, а господин Бербелек согнал свои мысли в стройную шеренгу, обрывочный разговор завершился.

Склады Дома «Ньютэ, Икита тэ Бербелек» находились в длинном деревянном пакгаузе, чьи высокие ворота раскрывались прямо на набережную. Воденбург обладал глубоким портом и закрытым, безопасным заливом (творением некоего позабытого кратистоса), и обычно корабли швартовались здесь борт в борт, плотно заслоня морской горизонт; как и нынче. Шла выгрузка и погрузка, у самого причала НИБ суетилась сотня невольников и наемных рабочих.

Кристофф и Иероним подъехали к складам сзади. Эстлос Ньютэ, сойдя, вынул из кармана часы.

– Полчаса еще.

Внешней лестницей поднялись в контору – та размещалась в надстройке, на третьем этаже. В дверях разминулись с Н'Йумой.

– Подгони же людей с «Кароля», на весла, на весла, мне поскорее нужно освободить место для «Филиппа».

Одноглазый негр кивнул. В прошлом году Н'Йума выкупился у риттера, но ментальность невольника никуда не делась, такая морфа впечатывается глубже всего.

У господина Бербелека имелось здесь свое бюро, ему выделили угловую комнату, но за все эти годы он заглядывал туда лишь пару раз. Не видел необходимости поддерживать фикцию, купец из него был – как из Кристоффа дипломат. Если и наведывался на склады, то все заканчивалось визитом в кабинет Ньютэ, откуда, впрочем, открывался наилучший вид; широкое, трехстворчатое окно выходило прямо на порт и залив, господин Бербелек мог с высоты мачт оглядывать все здешние муравьиные хлопоты. Если не было дождя и не стоял слишком сильный мороз, Ньютэ оставлял окна открытыми, и внутрь тогда свободно врвался морской ветер, соленый воздух многократно пропитал здесь всякую вещь, насытил своим запахом стены и ковер.

Докуривая махорник, господин Бербелек поглядывал на птичьи движения портового подъемника, что загружал океаносовый клипер чужой компании обитыми железом ящиками, следил за медленно отплывающим от побережья «Каролем Пятой», глядел на ритмичную работу гребцов в буксирных лодках, на обнаженные бицепсы Н'Йумы, покрытые каким-то племенным морфингом, – негр, стоя на куче старого такелажа, орал ругательства и поощрения носильщикам, что убрали набережную, для них – владыка и господин, вбивающий в землю одним взглядом дикого глаза... Меланхолично вскрикивали чайки. Невольница принесла горячий чи: господин Бербелек поблагодарил, не отворачиваясь от окна. За его спиной Кристофф ругался из-за какого-то просроченного налога с персидским чиновником, в ругательствах и божбе они переходили с окского на греческий и пахлави и обратно. Иероним швырнул окурок в окно. Опершись предплечьями о высокую фрамугу, он хлебал чи, соль щипала язык.

Эстлос Бербелек мысленно возвращался к началу своей купеческой карьеры. Лютеция Паризиорум, лето после карпатского наступления Чернокнижника, Иероним Бербелек, принимаемый в салонах. Измельчал тогда так сильно, что даже думал о себе в третьем лице. «Иероним кланяется». «Иероним развлекает общество». «Теперь Иероним производит впечатление». «Теперь Иероним будет отдыхать». «А теперь Иероним перережет себе горло». Антос Чернокнижника обволакивал его, как горячий смрад. Он забывал есть. Острые предметы, пропасти, бегущие лошади, под которых мог броситься, – как огонь для мотылька. И, конечно, он почти непрерывно спал. А если пробуждался, то в странное время, со странными желаниями. Что хорошо: у него оставались хоть какие-то желания. Таким его и закогтил эстлос Кристофф Ньютэ. Большой крест на груди, буйная борода, ноль осведомленности и салонного такта: импортер меха из Гердона с далеко идущими планами и с рынком сбыта под неформальной персидской монополией. «Если бы только ты мог до них добраться, а ты ведь всех их знаешь, а кого не знаешь – те в любом случае знают тебя. Подумай только, эстлос, как мы сможем обогатиться!» Золото! Богатство! В тот вечер, за бокалом сладкого вина, в разноцветном сверкании чжунгосских огней на безлунном небе, в облаке морф франконской аристократии, в сердце антоса Лео Виалья, Кратистоса Высокомерия и Самолюбия – господин Бербелек решил жаждать богатств. Решил захотеть хотеть, решил решить – Юпитер, как-то же нужно выпинывать из себя волю! О, междометие – уже начало. После изменения строй разговора. «Господин Бербелек решил сделаться богачом». «Господин Бербелек будет богачом». Уменьшился ли смрад Чернокнижника? На всякий случай Иероним с тех пор держался поближе к риттеру, уверенный, что импульсивный гердонец заставит его участвовать в каждом приеме, на какой придет приглашение, – и не позволит спать слишком долго. Со временем начали рождаться и другие желания. Самым свежим помыслом оказалась эстле Амитаче – разве она не была достойна вожделения? Все изменялось к лучшему: нынче господин Бербелек не обладал уверенностью – он лишь хочет ее вожделеть или уже

и вправду вожделеет. Сложнее всего морфировать себя самого, и проще всего пропустить момент изменения собственного кероса.

– Прибывает, Кристофф.

«Филипп Апостол» спустил паруса на второй мачте и двигался к берегу, теряя скорость, экипаж ожидал с баграми и швартовыми.

Ньютэ подошел к окну, высунулся и крикнул:

– Н'Йума! Капитана, пилота и нимрода – ко мне!

Иеронима же дернул за плечо к дверям гостиной.

– Я заказал обед у Скелли.

Если не брать во внимание кабинет Бербелека, гостиная была, пожалуй, наименее часто используемым помещением в представительстве НИБ. Площадь пакгауза, шесть тысяч квадратных пусов, позволяла риттеру осуществлять разнообразнейшие капризы: кроме прочего, он разместил в надстройке две спальни (официально «для гостей компании») и шахматную комнату. Гостиная была длинным узким помещением с окнами на портовую стену и якорни воздушных свиней. Обставили ее в кельтском стиле, стены забраны в темное дерево, массивная мебель из дуба, гиекса и проснины, с прямыми углами и острыми гранями громоздилась по углам комнаты – кроме вставшего в центре высокого стола, вокруг которого нынче крутились трое дулосов из «Дома Скелли». Накрыто на пятерых.

Господин Бербелек присел к столу, поправил разложенные столовые приборы, налил себе вина, и сразу же пришлось встать, чтобы поприветствовать гостей. Двое из них были сильными текнитесами моря и, вероятно, не могли контролировать свои ауры, что Бербелек сразу заметил по волнению вина в своем бокале и по теплу на щеках, когда кровь ударила ему в голову, а на лице выступил румянец. Покраснел и Кристофф, и рабы Скелли – но, конечно же, не сами гости.

Быстрое пожатие предплечий, искренние улыбки – дулосы поспешили с водой для омовения рук, а Ньютэ, не дожидаясь, произнес тост за благополучное возвращение из Гердона. Потом сел во главе стола, господин Бербелек слева, справа – Отто Прюнц, капитан «Филиппа», за ним – Хайнемерль Трепт, молодая океаносовая женщина-пилот; а Ихмета Зайдара, первого нимрода «Ньютэ, Икита тэ Бербелек», конечно же, посадили около Иеронима. Они обменялись любезностями над исходящими паром супами. Оба текнитеса сидели по одну сторону стола, и жидкость опасно подползала к краю тарелок.

Именно Ихмет был здесь единственным, кого Иероним не знал вовсе. Отто, кристианин и земляк Ньютэ, плавал для НИБ с самого начала, сперва на собственном клипере, теперь же – как капитан «Апостола», первого океаникоса компании. Хайнемерль наняли сразу по принятии ее в имперскую гильдию навигаторов. Поскольку она была женщиной, занимала более слабую позицию в экипаже и при этом ставила под угрозу исполнение остальными их обязанностей во время длинного рейса, – контракт ее был более скромный; но умения Трепт говорили сами за себя, да и со старым Прюнцем она сработалась очень неплохо.

А вот смуглолицый Зайдар... его с фирмой почти ничего не связывало. В последние годы, когда морские гады сделались агрессивней, цены на услуги нимродов, опытных в охране кораблей, значительно возросли, да ведь их и было-то не слишком много. Эстлос Ньютэ выкручивался, как мог: контракт на рейс в одну сторону, контракты совместные, присоединение к конвоям... Именно так он заполучил и Зайдара. Перс завершил многолетнее сотрудничество с Кастыгой и в последнее время принимал лишь единичные задания, что подходило далеко не всем; но Кристофф пользовался его услугами, когда только мог, и именно его нанял для охраны первого океаникоса, что состоял в стопроцентной собственности «Ньютэ, Икита тэ Бербелек». Даже начал именовать Зайдара «первым нимродом ком-

паний», отчасти надеясь зачаровать реальность словами. Ихмет всегда отвечал вежливыми, ни к чему не обязывающими письмами.

– Вчера я прочитал о смерти первого нимрода Африканской, – начал господин Бербелек на пахлави. – Ваше путешествие, полагаю, проходило без досадных инцидентов?

– Если не считать сирен на Локолоидах. И обошлись без убийств.

– Ах, мы никогда в тебе не сомневались. Особенно эстлос Ньютэ – он о тебе весьма высокого мнения.

Ихмет Зайдар в ответ на такие слова склонил голову. Неопытные текнитесы, лишённые самоконтроля, как и те, кто слишком опытен и чрезвычайно долго практикует свое искусство, те, чья работа требует многонедельного непрерывного расширения антосов, как, например, текнитесы моря, месяцами ведущие корабли в тесных объятиях своих аур, или текнитесы войны, стратегосы, аресы – все они часто не в состоянии контролировать собственные ауры, не в силах уже свертывать их, пленять, и оттискиваются в керосе тяжелой печатью независимо от обстоятельств, днем и ночью, наяву и во сне, в одиночестве и в сердце толпы. Побочным эффектом длительного пребывания такого нимрода на борту бывали смерти среди экипажа. Ссоры, драки, дружеские соперничества, что в других случаях закончились бы лишь выбитыми зубами, – в короне нимрода превращались в разбитые головы, перерезанные горла и утопленников за бортом. Впрочем, Зайдар пользовался прекрасной репутацией.

– Я это заметил, – сказал он, густо присыпав суп приправами. – И все же, боюсь, мне придется его разочаровать.

– Но ведь ты даже не знаешь еще предложения.

– Но ведь предложение это я получу, верно? – Ихмет вопросительно взглянул на разрянувшегося Иеронима.

Господин Бербелек вернул ему взгляд. Глаза перса были голубыми, будто чистая синева весеннего неба, в сети глубоких морщинок сильно загоревшей кожи – морщинок от солнца и ветра; при этом Зайдар не выглядел старше тридцати с небольшим. На самом деле ему давно миновало шестьдесят, а то и все семьдесят, но морфа крепко удерживала Материю. Тело – всего лишь одежда разума, как писали философы. Одежды его тела также вводили в заблуждение, Ихмет одевался по гердонской моде, простой покроем, белое, черное и серое, узкие штанины и рукава, рубаха, зашнурованная под горло. Лишь черную бороду стриг по моде измаилитской.

– Ты уже подписал контракт с кем-то другим?

Перс покачал головой, глотая горячий суп.

Иероним лишь вздохнул, склоняясь над своей тарелкой.

Некоторое время они молчали, прислушиваясь к громкой беседе эстлоса Ньютэ, капитана Прюнца и Трепт. Хайнемерль взволнованно рассказывала о чудесах южно-гердонских портов и о дикарях с экваториальных островов, о звериных наркотиках и экзотических морфоозонах. На перемене блюд риттеру принесли сверенный манифест «Филиппа», и Кристофф заново начал обсчитывать ожидаемые выгоды.

– На севере – тоже, в тех бескрайних пущах, – говорила между тем Хайнемерль, – они тянутся от Океаноса до Океаноса, по крайней мере, до Мегоросов, до шестого листа, а Анаксегирос еще не врос там настолько глубоко, чтобы выдавить кратистосов диких, на крайнем севере или, например, в Гердон-Арагонии, когда мы ожидали товар, я говорила с поселенцами, мифы или правда – сказать трудно, может, они уже плавают в короне Анаксегироса, те города живого камня, реки света, кристаллические рыбы, тысячелетние змеи, что мудрее людей, и цветы любви и ненависти, деревья, из которых рождаются даймоны леса, – расскажи, Ихмет, ведь ты видел собственными глазами.

– Не сумею рассказать.

– А на корабле, когда погружался в меланхолию, мог сплетать длинные байки...

– Потому что это были *чужие* рассказы, – усмехнулся Зайдар в усы.

– Не понимаю, – рассердилась Трепт. – Это значит – что? что – ложь? Значит, лгать ты можешь?

– Не в этом дело, – тихо отозвался господин Бербелек, кроша хлеб. – Истории, повторяемые за кем-то, *могут* оказаться ложными, и это нас освобождает. В то время как, говоря о собственном опыте —

– Что? – перебила она его. – О чем это ты пытаешься здесь сказать? Что искренним можно быть лишь в обмане? Такие зеноновки хороши для детей.

Господин Бербелек пожал плечами.

– А я люблю делиться историями, – пробормотала Хайнемерль. – Какой смысл познавать мир, если никому не можешь рассказать, что видел?

Перед десертом Ньютэ подписал банковские листы с личными премиальными, не зависящими от гарантированного договором четырех процентов прибыли для капитана и двух – для пилота. Трепт многословно поблагодарила, Зайдар даже не взглянул на свой лист.

Иероним дотронулся до его руки.

– Спокойная старость?

Ихмет сделал охранительный жест против Аль-Уззы.

– Надеюсь, что нет. Но да, ты прав, эстлос, – уже начинаю подсчитывать утерянное время. Недели на море... капли крови в клеписидре жизни, чувствую каждую из них, они падают, будто камни, человек же вздрагивает.

– Жалеешь?

Перс задумчиво глянул на Иеронима.

– Пожалуй, что и нет. Нет.

– И что теперь? Семья?

– Они давно обо мне забыли.

– Что тогда?

Зайдар указал глазами на Трепт, что перешучивалась с Кристоффом.

– Пожирать мир, как она. Еще немного, еще чуть-чуть...

Господин Бербелек попробовал тошнотворно сладкий сироп.

– М-м-м... Пока хватает аппетита, верно?

Перс склонился к Иерониму.

– Это заразительно, эстлос.

– Думаю, что —

– Этим можно заразиться, действительно. Заведи молодую любовницу. Роди сына. Переберись под корону другого кратистоса. В южные земли. Больше солнца, больше ясного неба. В морфу молодости.

Господин Бербелек гортанно рассмеялся.

– Я работаю над этим! – Он взял себе ореховой пасты; Зайдар поблагодарил жестом. – Что же до ясного неба... Вилла под Картахеной. Валь дю Плой, прекрасная околица, весьма гладкий керос. Ты заинтересовался бы?

– У меня уже есть немного земли в Лангведокии. Но о чем я, собственно, тебе говорил? Пока что я не намерен греть кости в саду.

– М-м-м... Не работает, не отдыхает. – Иероним задумчиво выпятил губы. – Тогда что, собственно, станет делать?

Ихмет вытер руки о протянутый рабом Скелли платок. Раскрыл банковский лист, глянул на сумму и засопел тихонько.

– Практиковать счастье.